

ГАСТРОЛИ
МОСКОВСКОГО
ТЕАТРА НА МАЛОЙ
БРОННОЙ

ЛЮБИМАЯ РОЛЬ

Интервью
с заслуженным
артистом РСФСР
С. Г. Соколовским

Несколько лет назад в Москву приезжал известный американский драматург Артур Миллер. Разумеется, ему было интересно посмотреть, как поставлена его пьеса «Вид с моста» в Московском театре на Малой Бронной. После спектакля он выразил желание встретиться с коллективом исполнителей. На встречу с американским драматургом пришли и артисты других театров Москвы, писатели, журналисты.

Артур Миллер делился своими впечатлениями от спектакля. Потом говорили артисты.

Выступал заслуженный артист РСФСР С. Г. Соколовский — исполнитель роли Эдди Карбоне. Когда он стал рассказывать, с каким удовольствием работал над образом, Артур Миллер, удивленно взглянув на него, вдруг спросил: «Позвольте, неужели это — Эдди Карбоне?». Ему ответили утвердительно. Писатель подошел к С. Г. Соколовскому, дружески обнял его.

Не узнал! Вероятно, это и был лучший из комплектов в адрес исполнителя.

Посмотрев «Вид с моста» в Таллине, я решила встретиться с Семеном Григорьевичем Соколовским, подробнее расспросить о встрече с Артуром Миллером, о разговоре, который тогда состоялся в театре.

Мы говорили и о пьесе Артура Миллера, и о спектакле, и о том, как работал артист над ролью. Я подумала: быть может, пересказ этой беседы наши читатели прочтут с неменьшим интересом, чем рецензию на спектакль.

— Мне самому, конечно, трудно судить, насколько спектакль удался, — говорит Семен Григорьевич. — Во-первых, потому что от меня

нельзя требовать беспристрастности. Во-вторых, потому что из зала многое виднее, чем со сцены. Но, по-видимому, следует учитывать, что «Вид с моста» идет в нашем театре почти семь лет и скоро будет сыгран 600-й (!) спектакль.

— Да, я понимаю: «амортизация» спектакля неизбежна. И все-таки... Далеко не все списывается на износ. Мне лично решение спектакля показалось не очень созвучным драматургической стилистике Артура Миллера. Сама фигура адвоката Альфиери, введенная Миллером в пьесу, текст, вложенный в его уста, переход к белому стиху, — все это, на мой взгляд, имеет совершенно определенную заданность: перебрасывает мост из современной пьесы в греческую трагедию рока.

— Не кажется ли вам, Семен Григорьевич, что этот мост не вписан в решение спектакля? Говорил ли об этом Артур Миллер на встрече?

— Нет, такого разговора не было.

— Вы рассказывали, что Миллер отзывался о спектакле в общем благожелательно. А критических замечаний он не делал?

— Почему же? Конечно, были критические замечания. Например, Артур Миллер считал, что у нас неверно играется первый акт. Уже в первых сценах ощущалось начало катастрофы. По мнению Артура Миллера, это лишило второй акт перспективы развития действия. Драматург утверждал, что в первом акте еще почти ничего не происходит. Он должен играть легко, безоблачно. И только постепенно атмосфера сгущается, возвещая приближение грозы.

— Это замечание автора было утнено?

— Я много работал над тем, чтобы «облегчить» поведение моего героя в первом акте. В какой мере мне это удалось, не знаю.

— Скажите, Семен Григорьевич, как вы относитесь к своему герою? Вам жаль Эдди Карбоне или вы судите его?

— Видите ли, одна известная московская актриса уже много лет утверждает, что исполнитель должен

всегда быть прокурором своего героя. Я не согласен с этой точкой зрения. Наоборот, я убежден, что в любой роли артист должен быть страстным адвокатом своего героя. Он должен быть самим героем, искренне верящим в правоту и правомерность своих мыслей и поступков. Иначе он не будет убеждать. Что касается Эдди, то я испытал жалость к нему уже при первом прочтении пьесы. В сущности Эдди добрый, честный, работающий человек. Страсть ослепила его, лишила рассудка, сделала тираном, деспотом, предателем и... бесконечно несчастным.

— Да, объективно Эдди — злодей, субъективно — жертва. Шенка в океане страстей. Образ необыкновенно сложный, противоречивый, трагический.

— Видный советский театальный критик Ю. Юзовский в свое время назвал Эдди Карбоне современным Отелло.

— Против этого трудно возразить. Образ, в самом деле, по своей трагедийности близок к шекспировскому Отелло. И по сложности. Особенно, если учесть, что страсть Эдди Карбоне была неосознанной. Впрочем, по этому поводу можно бы еще и поспорить. В пьесе нет прямых подтверждений тому, что Эдди так до конца и не понял, какие пружины привели в действие механизм его поступков. Не понял? Или не хочет признаться?

— Вспомните последнюю, предсмертную реплику Эдди: «Почему?»

— Это «почему?» можно трактовать по-разному. Оно очень емкое. Мне до конца ясно только одно: в вашей трактовке Эдди, действительно, моральный слепец, так до конца и не осознавший, что с ним произошло. Эту «заширенность» героя вы играете очень убедительно. Но хотелось бы задать еще и такой вопрос: ваше осмысление образа претерпело какие-нибудь изменения за те годы, что вы играете эту роль?

— Если вы имеете в виду общую трактовку образа, то, пожалуй, нет. Но что-то новое рождается на каждом спектакле. На встрече с Артуром Миллером я говорил о том, что бы-

вают такие роли, работа над которыми напоминает известный чарльзковский трюк: собрался нырнуть, прыгнул... А воды оказалось по колено. Роль Эдди Карбоне не из их числа. Здесь сколько бы ты ни нырял, dna все равно не достать. И вот я уже «ныряю» почти семь лет. Все пишу, все думаю. Когда-то я играл сцены с адвокатом так. Эдди приходил к нему с единственной психологической уступкой: получить точный рецепт, который помог бы ему развязать сложный узел семейного конфликта. Потом это решение показалось мне примитивным. Я понял: Эдди должен пытаться осмыслить то, что говорит ему Альфиери. Пытается осмыслить... И не может. Мешают шоры. Не дают увидеть, понять истину, разобраться в своих чувствах...

— Да. Думается, что сцены с Альфиери — лучшие в роли по сложности и напряженности психологического рисунка. Вам удалось скрупами, но очень выразительными средствами передать нравственную пытку Эдди, драматизм его положения. Думается, что есть еще две-три сцены в спектакле, в которых вам стоило бы продолжить такой поиск.

— Ну, что ж. Я не думаю, что «Вид с моста» скоро будет исключен из афиши нашего театра. Он все еще идет при полном зале. И в Москве, и на гастролях в Ленинграде, Киеве, Риге. По-видимому, мы будем играть этот спектакль еще долго. Следовательно, я буду продолжать поиски.

— Прошу ответить еще на последний вопрос: какое место в вашей творческой жизни занимает роль Эдди?

— В моем «послужном списке» 50 главных ролей на сцене и в кино. Роль Эдди Карбоне — самая любимая. Я сыграл Эдди около 600 раз. Но поверьте, ни разу я не позволил себе поберечь силы, положиться на актерскую технику. Всякий раз — это полная отдача творческих сил, максимальный эмоциональный заряд. И так буду играть эту роль всегда. Пока буду играть...

С. СТАВИЦКАЯ.